

1908 г.

№ 4-й.

ВОПРОСЫ ПСИХИЗМА

И

СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

МОСКВА

ТИПОГРАФИЯ К. Л. МЕНЬШОВА.

Арбатъ, Никольскій пер., домъ № 31.

1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣль I.

	<i>Стр.</i>
1) Символизмъ и метапсихическіе феномены (прод.). <i>Э. Боссано.</i>	1
2) О безсмертіи (<i>по Тейхмюллеру</i>) рефератъ. (Окончаніе) <i>Б. Тайца.</i>	18
3) Опредѣленіе индивидуальности человѣка по фотогр. карт.— <i>И. Вессель.</i>	25

Отдѣль II.

Записки Русскаго Спиритуалистическаго Общества 37—47

Символизмъ и метапсихическіе феномены.

Эрнестъ Боссано.

(Перев. съ франц. П. М. Лавровой).

Продолженіе.

Символическая Криптомнезія.

Во время физиологическаго сна, мысли и воспоминанія склонны принимать эмблематическую форму и драматизироваться; является это результатомъ временнаго и почти полнаго прекращенія воспріятій периферическихъ или чувственныхъ — отчасти же результатомъ бездѣтельности центровъ задерживающихъ; отсюда происходитъ затуханіе многихъ ассоціаціонныхъ и задерживающихъ путей между различными центрами. При этихъ условіяхъ получается возможность мѣстной изолированной работы любого центра сознанія, совершенно безъ задержки и безо всякой связи съ остальными; работа эта иногда можетъ сдѣлаться настолько интенсивной, что неизбежно принимаетъ дѣятельную, живую, объективную форму.

Подобнаго рода состояніе способствуетъ случайному появленію изъ тайниковъ подсознанія самыхъ отдаленныхъ воспоминаній и знаній заученныхъ но забытыхъ, (криптомнезія). Часто объективация этихъ воспоминаній принимаетъ форму символическихъ образовъ.

Мори (Maugu) первому принадлежитъ заслуга систематической разработкы этого вопроса. Въ своемъ классиче-

скомъ произведеніи „Сонъ и Сновидѣніе“ онъ приводитъ два личныхъ случая символической драматизаціи во снѣ съ криптонезическимъ психогенезисомъ. Вотъ одинъ изъ этихъ случаевъ.

1-й случай. — „Недавно мнѣ пришло на умъ собственное имя „Mussidan“. Я помнилъ, что это было названіе какого-то города во Франціи, но гдѣ именно этотъ городъ находится я совершенно забылъ.

Ночью, во снѣ я увидѣлъ какого-то человѣка который заявилъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ изъ Мюссидана. На мой вопросъ гдѣ находится этотъ городъ, онъ отвѣтилъ, что это важный торговый пунктъ въ Дордонь. Въ этотъ моментъ я проснулся; было уже утро. Я прекрасно помнилъ сонъ, но къ увѣреніямъ моего собесѣдника отнесся скептически. Такимъ образомъ въ мысляхъ моихъ названіе Мюссиданъ находилось въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и прежде, т.-е. я чувствовалъ мое полное невѣдѣніе относительно мѣста нахождения города, носящаго это названіе. Я попытался справиться въ географическомъ словарѣ, и къ моему великому удивленію я увидѣлъ, что мой ночной собесѣдникъ зналъ географію гораздо лучше меня; другими словами — я только вспомнилъ во снѣ то, что забылъ въ бодрственномъ состояніи, и что я вложилъ въ уста третьяго лица то, что въ дѣйствительности было не что иное какъ мое собственное воспоминаніе“.

Случаи 2-й и 3-й.—Подобный способъ видѣнія можетъ проявляться и въ состояніи бодрствованія у лицъ одаренныхъ особой специальной чувствительностью. Типическіе примѣры этого мы находимъ въ двухъ нижеслѣдующихъ случаяхъ, изъ замѣчательныхъ отчетовъ Миссъ Х. о ея личныхъ опытахъ (Proceedings of the S. P. R., т. XI, ст. 121 и т. 5, ст. 512).

Кто-то заговорилъ при мнѣ о гостѣ который долженъ былъ на другой день пріѣхать завтракать. Опять что-то толкнуло спросить: „это Клэръ Симсонъ?“ Также и на этотъ разъ я попала въ цѣль. До сихъ поръ я повиновалась только простымъ внутреннимъ импульсамъ какого-нибудь чувственного впечатлѣнія. Слова *самопроизвольно вырывались изъ моихъ устъ*:—вотъ и все. Но когда кто-то изъ присутствующихъ спросилъ о географію имени „Stempson“,—имя далеко не общеупотребительное, у меня явилась моментальное видѣніе. Я знала, что имя это принадлежитъ одному извѣстному Лондонскому негодіанту,

который произносилъ его Симсонъ „Simson“ Вдругъ передъ моимъ взоромъ появилась его визитная карточка и я увидѣла, что передъ S. вставлена буква P. „Слово пишется съ P. сказала я съ увѣренностью, что казалось правильно.

Второй случай полученный съ помощью „видѣнія въ кристаллѣ“ по формѣ аналогиченъ съ случаемъ Мори, но представляетъ характеръ болѣе необыкновенный и является собою типическій примѣръ символической криптомези.

Мнѣ какъ-то понадобилось привести дату рожденія Птоломея Филадельфа который я никакъ не могла припомнить, хотя и чувствовала, что я когда-то это знала и въ нѣкоторомъ родѣ ассоціировала съ другимъ важнымъ историческимъ событіемъ. Нѣкоторое время спустя я стала смотрѣть въ кристаллъ и тотъ часъ-же увидѣла фигуру старика съ длинными волосами, бѣлой бородой, въ одѣяніи похожемъ на костюмъ Шейлока; старикъ казалось глубоко былъ поглощенъ работой, -- писаніемъ въ какой-то большой книгѣ съ широкими массивными застѣжками. Сколько я не старалась угадать кто былъ этотъ человѣкъ и чѣмъ онъ былъ занятъ, мнѣ это не удавалось. Между тѣмъ я подумала, что это былъ прекрасный случай примѣнить на практикѣ когда-то данный мнѣ совѣтъ, а именно разсматривать въ лупу мои видѣнія въ кристаллѣ. Съ помощью лупы мнѣ удалось разсмотрѣть, что старикъ писалъ на греческомъ языкѣ; но строчки исчезали расплывались, какъ только я начинала въ нихъ всматриваться, за исключеніемъ знаковъ начертанныхъ послѣдними, и которые оказались римскими цифрами LXX. Въ этотъ моментъ мнѣ пришло въ голову, что это одинъ изъ Еврейскихъ Старѣйшинъ, погруженныхъ въ „переводъ Семидесяти Толковниковъ“ и что дата этого факта (277 годъ по Рождествѣ Христовѣ) совпадаетъ съ жизнью Птоломея Филадельфа. Я должна присовокупить; (хотя этотъ фактъ въ данную минуту и не пришелъ мнѣ на память) что хронологію я изучала по мнемонической системѣ, въ которой цифры совмѣщаются со словами и вышеупомянутой датѣ, по этой системѣ соответствовала слѣдующая фраза: „Теперь Еврейскіе Старцы переводятъ Толковникъ на греческій“.

Миссъ А... сопровождаетъ свой рассказъ слѣдующими соображеніями:

Понятно, что подобнаго рода видѣнія въ эпоху суетъ-

рій должны были почти неизбежно внушить гипотезу духовнаго вмѣшательства. Перципientъ, получая такимъ образомъ свѣдѣнія, установить существованіе которыхъ въ его собственномъ мозгу не удавалось, неизбежно приписывалъ ихъ работѣ невидимыхъ интеллектовъ отдѣльныхъ отъ его собственной личности.

4-й случай. — На послѣдокъ приведу дѣйствительно исключительный случай криптомнези и символическаго „уразумѣнія“ во снѣ; и то и другое облечено въ форму спиритическаго сообщенія. Передаетъ этотъ случай профессоръ Роменъ-Ньюбольдъ, которому рассказали о немъ перципientъ профессора Гильпречъ (Hilprecht) черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ это случилось. Рассказъ очень длиненъ, что заставляетъ меня привести изъ него только относящіяся непосредственно къ дѣлу отрывки.

Вотъ что говоритъ профессоръ Гильпречъ въ своемъ отчетѣ:

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1893 года и въ одинъ субботній вечеръ, я очень утомился (за эту недѣлю это случилось со мной не въ первый разъ) отъ тщетныхъ попытокъ прочесть надпись на двухъ маленькихъ обломкахъ агата, предполагалась, что это были остатки двухъ перстней Вавилонскаго происхожденія. Трудность казалась непреодолимой, потому что на самихъ обломкахъ сохранились только обрывки буквъ и строчекъ и потому такъ-же что дюжины аналогичныхъ обломковъ, разобрать которые буквально было невозможно, были найдены въ Ниппурѣ, въ развалинахъ храма Бела. Кромѣ того на этотъ разъ въ моемъ распоряженіи не было оригиналовъ, а только рисунокъ наскоро набросанный однимъ членомъ экспедиціи, посланной въ Вавилонъ Пенсильванскимъ Университетомъ. Я могъ утверждать только одно, что обломки эти—принимая во вниманіе мѣсто, гдѣ они были найдены и особенности клинообразныхъ надписей — принадлежать къ Касситскому періоду Вавилонской исторіи (1700—1140 г. до Р. X).

Кромѣ того, такъ какъ на первомъ изъ обломковъ начальная буква третьей строчки была повидимому *Ku*, я относилъ ее — хотя съ большимъ знакомъ вопроса — къ королю Куригальцу; что же касается второго обломка разобрать его, по моему мнѣнію, было невозможно; поэтому я его и предназначилъ къ той страницѣ моей книги, на которой я собралъ все обломки, неподходящія ни

къ какой категоріи. Хотя корректурные листы были уже у меня на рукахъ, я далеко не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и, въ этотъ вечеръ, прежде чѣмъ поставить мои инициалы на послѣднемъ листѣ, я долго размышлялъ надъ рѣшеніемъ этой проблемы и не пришелъ ни къ какому заключенію. Усталый до изнеможенія я около полуночи легъ въ постель, тотъ часъ-же глубоко и крѣпко заснулъ, и вотъ какой замѣчательный сонъ мнѣ приснился:

Я увидѣлъ жреца древняго до-христіанскаго Ниппура; онъ былъ худощавъ, высокаго роста, облеченъ въ священную хламиду, на видъ ему было лѣтъ 40; онъ повелъ меня въ сокровищницу храма, расположенную въ юго-восточной части зданія. Это была комната безъ оконъ, маленькая и низкая; въ ней стоялъ широкій деревянный ящикъ, куски агата и лапись-лазури были разбросаны вездѣ. Придя въ эту комнату, жрецъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „знай, что оба обломка агата классифицированные тобою отдѣльно на страницахъ 22 и 25 твоей книги, составляютъ, наоборотъ, одно цѣлое и никогда не служили перстнями. Вотъ ихъ исторія. Среди различныхъ предметовъ и вещей изъ агата и лапись-лазури однажды присланныхъ въ храмъ Бела царемъ Куригальца (за 1300 лѣтъ до Р. Х.) находился агатовый цилиндръ *) пожертвованный въ храмъ по обѣту. Спустя нѣкоторое время, мы, жрецы храма, неожиданно получили приказъ изготовить для статуи бога Ниниба пару агатовыхъ сережекъ. Великій ужасъ охватилъ насъ; полученному приказу нужно было немедленно повиноваться, а агата для работы у насъ не оказывалось. Мы рѣшили разрѣзать цилиндръ на 3 куска, такимъ образомъ получилось три кольца, и на каждомъ изъ нихъ сохранилась часть оригинальной надписи. Два пошли на серьги для бога Ниниба, и обломки, надъ которыми ты такъ утомился, представляютъ остатки этихъ двухъ колець. Если ты попробуешь ихъ соединить ты получишь подтвержденіе того, что я сказалъ. Третье же кольцо не было и никогда не будетъ вами найдено.“ Сказавши это, жрецъ исчезъ. Я проснулся и тотъ часъ же рассказалъ сонъ женѣ, что-бы его не забыть. Въ воскресенье утромъ я опять осматрѣлъ обломки подъ впечатлѣніемъ полученныхъ свѣдѣній и былъ глубоко пораженъ, увидя, что всѣ подробности сна соотвѣтствовали дѣйствительности, по крайней мѣрѣ судя

*) Подобнаго рода цилиндры замѣняли собою въ ту эпоху подпись или имянной штампель. Прим. ред.

по тому, что было у меня въ рукахъ. Вотъ оригиналь надписи цилиндра: „богу *Нинибу*, сыну *Бела* своему господину, *Куригальца*,—*верховный жрецъ Бела—приноситъ*“. Проблема была окончательно разрѣшена.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя профессоръ Гильпречъ былъ командированъ съ научной цѣлью въ Константинополь, гдѣ онъ увидѣлъ оригиналы вышеупомянутыхъ обломковъ, каждая деталь которыхъ подтвердила правдивость его сна. Вотъ отрывокъ изъ его письма.

„Какъ только я соединилъ между собой оба обломка справедливость моего сна сдѣлалась очевидной. Дѣйствительно это были части одного и того же цилиндра, но такъ какъ весь кусокъ агата былъ покрытъ прекрасными широкими жилками, то мастеръ искусно разрѣзалъ его такъ, что-бы бѣлыя жилки остались цѣликомъ на одномъ обломкѣ, сѣрыя на другомъ. Это послѣднее обстоятельство и объявляетъ мнѣ ошибочное описаніе, данное профессоромъ Петерсомъ“.

Далѣе слѣдуютъ соображенія профессора Ньюбольда, имѣющія цѣлью доказать, что сонъ профессора Гильпреча не содержитъ въ себѣ ничего выходящаго изъ процессовъ ассоціаціоннаго разсужденія, въ которыхъ онъ пр. Гильпречъ имѣлъ обыкновеніе упражняться ежедневно. Для сокращенія приведу только послѣднее изъ этихъ соображеній, такъ какъ оно подчеркиваетъ важнѣйшую часть въ символической драматизаціи сна, представляемую криптомнезией.

„Когда профессоръ Гильпречъ разсказалъ мнѣ свой сонъ, онъ уже вспомнилъ, что до этого профессоръ Джонъ Петерсъ сообщилъ ему объ открытіи комнаты, потолокъ и стѣны которой уже разрушились, и въ которой оказались остатки деревяннаго ящика и масса обломковъ агата и лаписъ-лазури. Однако онъ былъ увѣренъ, что мѣсто нахождения комнаты ему было неизвѣстно. По этому поводу онъ посоветовалъ мнѣ написать профессору Петерсу, что-бы провѣрить правильно ли было указано во снѣ мѣсто нахождения комнаты, и не самъ-ли профессоръ Петерсъ случайно освѣдомилъ его объ этомъ. На мое письмо мнѣ отвѣтили, что мѣсто нахождения комнаты было указано правильно, но что профессоръ Петерсъ подробно извѣстилъ обо всемъ профессора Гильпреча еще въ 1891 году, и что даже доставилъ планъ

расположенія комнаты по отношенію къ храму. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ профессоръ Гильпречъ совершенно не помнитъ и скорѣе предполагаетъ, что профессоръ Петерсъ сообщилъ ему все это на словахъ, тѣмъ болѣе, что если-бы ему былъ доставленъ самый планъ, онъ навѣрное оказался бы въ его бумагахъ. Этотъ послѣдній пунктъ впрочемъ, значенія не имѣетъ, такъ какъ конечно никому не придетъ въ голову приписывать инцидентъ съ расположеніемъ комнаты дѣятелямъ сверхъ нормальнымъ. (Proceedings of the S. P. R. ст. 14—18 и Human Personality, ст. 376—379).

Этимъ заканчиваются соображенія профессора Ньюбольда.

Многіе изъ читателей не раздѣляютъ конечно его мнѣнія относительно чисто ассоціаціоннаго происхожденія сна. Тѣмъ не менѣе я совѣтую прочесть и взвѣсить аргументы этого профессора и сопоставить ихъ съ случаями Миссъ Х., и доктора Мори. Тогда станетъ очевиднымъ, что если первые два примѣра рационально не могутъ быть приписаны ни чему другому какъ процессу криптомнезии, осложненному подсознательнымъ мышленіемъ, то и къ послѣднему примѣру придется приложить то-же объясненіе.

По мнѣнію Майэrsa выводы профессора Ньюбольда можно считать удовлетворительными. Вотъ что онъ добавляетъ по этому поводу.

„Если-бы этотъ инцидентъ произошелъ въ эпоху менѣе критическую нежели наша какимъ великолѣпнымъ доказательствомъ послужило бы сообщеніе Вавилонскаго призрака, тому, что онъ дѣйствительно былъ сотрудникомъ новѣйшихъ ученыхъ при возсозданіи исторіи отдаленныхъ временъ! („Human Personality“, т. I, ст. 134).

Телепатическій символизмъ.

То что я сказалъ вначалѣ можно одинаково примѣнить и къ случаямъ символическихъ манифестацій, происходящихъ отъ телепатическаго импульса; т. е., что тѣ чрезвычайно-разнообразныя и фантастическія формы, въ которыя онѣ выливаются, чаще всего обуславливаются ассоціаціями въ зависимости отъ душевнаго состоянія субъекта, отъ степени его умственнаго развитія (интеллектуальности), а такъ же и отъ предвзятыхъ мыслей и суевѣрій,

свойственных средѣ, въ которой онъ живетъ. Впрочемъ провѣрить это можно, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ, — при обыкновенныхъ телепатическихъ воспріятіяхъ; при этихъ воспріятіяхъ внѣшній импульсъ (порождающій также и галлюцинаторный элементъ воспріятія) стремится вызвать у субъекта какъ бы рамку или фонъ различныхъ образовъ, которые трансформируютъ и превращаютъ обыкновенное воспріятіе въ эпизодъ болѣе или менѣе сложный и нѣсколько фантастическій, являющійся, затѣмъ, какъ бы рамкой уже для телепатическаго воспріятія. Все это однако присуще не однимъ только метампсихическимъ воспріятіямъ. Такъ мы знаемъ, что во время обыкновеннаго физиологическаго сна ни малѣйшее чувственное воспріятіе не остается такимъ какъ оно есть, а вызываютъ обыкновенно сновидѣнія, которыя облачаютъ эти чувственные воспріятія въ драматическія болѣе или менѣе обманчивыя формы, всегда однако сохраняющія связь съ породившимъ ихъ чувственнымъ воспріятіемъ; формы эти въ такихъ случаяхъ очень часто отражаютъ подъ видомъ символовъ тайныя сокровенныя склонности и состояніе души субъекта.

Въ подтвержденіе вышеуказанныхъ положеній нахожу умѣстнымъ привести нѣсколько опытовъ телепатической передачи, удачно произведенныхъ живописцемъ Боннати, личнымъ другомъ доктора Эммакора, и помѣщенныхъ этимъ послѣднимъ въ „*Reuista de studi psichici*“ (за 1896 годъ. ст. 95).

Въ этихъ опытахъ мы видимъ, какъ подсознательное трансформируетъ телепатически переданную конценцію въ символическія формы, по внѣшности совершенно противоположныя но условно-вѣрныя и гармонирующія съ предрасудками и суевѣріями свойственными субъекту. Изъ этихъ опытовъ привожу только ту часть, которая непосредственно касается обсуждаемаго вопроса.

X.— женщина около тридцати лѣтъ, не особенно сильная, но вполне здоровая. Дѣйствовалъ я на нее тогда, когда предполагалъ, что она спитъ у себя въ домѣ, отстоящемъ отъ моей квартиры приблизительно на пол-

километра по прямой линіи. О моихъ опытахъ Х. — никогда ничего не знала; она обыкновенно рассказывала мнѣ свои сны; для нея они только символы, которымъ она приписываетъ часто значеніе предупрежденій или предсказаній.

Ноября 21-е.—Соблюдая тѣ-же условія какъ и въ предъидущій вечеръ, я внушаю Х.— слѣдующую мысль, съ намѣреніемъ, что-бы она была воспринята ею въ формѣ сновидѣнія: — „Я уѣзжаю изъ Падуи и покидаю тебя“. Въ эту самую ночь Х.— видѣла во снѣ, что у нея по комнатѣ бѣгала „черная кошка“; она мнѣ объяснила, что по народному вѣрованію „черная кошка есть символъ измѣны“. Это значеніе измѣны, принимая во вниманіе понятія Х.— вполне согласуется съ духомъ сдѣланнаго внушенія.

Декабря 2-е.—Внушеніе: „Я умеръ! Это извѣстіе приношу и тебѣ самъ, ты это слышишь, но съ тобой сообщается мой духъ“. Х.—видитъ во снѣ такія образы, которые по ея мнѣнію означаютъ: „слезы“.

Декабря 7-е—Внушеніе: „Если въ этомъ году мои дѣла не примутъ лучшей оборотъ, я покончу съ собой“. Х.—видитъ во снѣ опять тѣ образы которые, для нея означаютъ: „печали, горести“.

Декабря 16-е.—„Внушеніе: Моли Бога, что-бы Онъ избавилъ меня отъ демона, который своими соблазнами разрушаетъ всѣ мои предпріятія“. Х.— видитъ во снѣ образы, которые для нея означаютъ понятіе „страждущая душа“.

Марта 11-е.—Внушеніе: „Я думаю положить конецъ моей жизни, я усталъ“. Х.— видитъ во снѣ ласкающую ее собаку Она говоритъ, что собака означаетъ вѣрность. Когда я дѣлалъ внушеніе я усиленно думалъ о томъ, что лишитъ себя жизни было-бы зло по отношенію къ Х.— это причинило бы ей горе, такъ какъ я оставилъ бы ее одинокой и въ печали. Можетъ-быть она восприняла единственно только эту послѣднюю мысль, во мнѣ второстепенную, или, какъ это часто случается въ сновидѣніяхъ, она запомнила только эту часть.

Марта 12-е.—Внушеніе: „Скоро я на тебѣ женюсь, будемъ веселы“. Х.—видитъ во снѣ ребенка, въ рукахъ у него черный виноградъ и орѣхи, которыми онъ ее угощалъ. Х.—объясняетъ, что ребенокъ означаетъ: „добрый вѣсти“, а черный виноградъ: „радость, веселіе“ при этомъ она отмѣчаетъ, что ягоды виноградныя были зеленыя, указаніе на мелкія горести, которыя смутятъ ра-

дость. Орѣхи означаютъ: „нѣчто проходящее, какъ дымъ“. Дѣлая внушеніе я думалъ, что причины, заставляющія меня рѣшиться на бракъ это хорошія матеріальныя условія и надежда на постоянный заработокъ. Орѣхи могли быть намекомъ на заработокъ, въ которомъ Х.—всегда отчаивается, или на самый бракъ, такъ какъ дѣлая внушеніе, я сохранялъ убѣжденіе, что онъ никогда не осуществится.

Марта 13-е. — Внушеніе: „Мы больше не увидимся. 18-го марта, я уѣзжаю искать счастья въ Америку“. Х—видитъ во снѣ бѣдняка, просящаго милостыню, беременную женщину которая была въ церкви и мертвца. Она объясняетъ, что бѣднякъ означаетъ человѣка въ нуждѣ, беременная женщина означаетъ „новость, новизну“, а церковь „счастье“.

Марта 27-е. — Внушеніе: „Нѣкоторые изъ моихъ коллегъ удержали деньги, которые они должны были мнѣ отдать“. Х—видѣла во снѣ, „что я плачу“.

Вышеизложенные опыты представляютъ случаи превращенія телепатическихъ импульсовъ, въ отличныя по внѣшности символическія формы и это вполне согласуется съ привычкой свойственной перципіенткѣ, даже въ бодрственномъ состояніи облекать мысль въ символы. Вообще мысль телепатически переданная замѣняется формами самыми простыми и всѣмъ привычными. Такъ въ большинствѣ случаевъ телепатическій импульсъ возвѣщающій смерть символически изображается гробомъ. Эпизодовъ подобнаго рода въ этой категоріи можно найти изрядное количество, а еще больше въ категоріи символизма пророческаго или предсказательнаго. Такихъ примѣровъ я приведу только два.

2-й случай.—Докладчикъ полковникъ Джонесъ. Фактъ извлеченъ изъ II-го тома, стр. 173, Proceedings of the S. P. R.

Въ 1845 году я находился со своимъ полкомъ у Мульмена въ Бурнахъ (Индія). Вечеромъ 24-го марта я, въ числѣ другихъ, былъ въ гостяхъ у одного пріятеля. По окончаніи обѣда всѣ собрались на верандѣ и я принялся оживленно бесѣдовать о мѣстныхъ дѣлахъ, когда вдругъ я увидѣлъ гробъ, въ которомъ лежало бездыханное тѣло одной изъ моихъ сестеръ, которую я особенно любилъ и которая тогда была дома. Я оборвалъ разговоръ такъ, что

всѣ взоры обратились на меня и всѣ стали спрашивать, что со мной. Силясь улыбнуться я рассказалъ о случившемся и видѣніе мое стало предметомъ шутокъ. Въ обратный путь я отправился съ однимъ офицеромъ, который былъ гораздо старше меня (отставной генералъ-маіоръ Артиллерійскаго Корпуса въ Мадрасѣ — Джорджъ Бригсъ нынѣ умершій). Возвращаясь къ случившемуся со мной Бригсъ спросилъ—не получалъ ли я извѣстій о моей семьѣ, сколько нибудь намекавшихъ на нездоровье моей сестры. Я отвѣчалъ отрицательно и добавилъ, что послѣднее письмо было мною получено три мѣсяца тому назадъ. Тогда онъ посоветовалъ мнѣ записать случившееся, такъ какъ ему уже не разъ приходилось слышать о подобнаго рода таинственныхъ совпаденіяхъ. Я послѣдовалъ его совѣту и показалъ ему замѣтку, записанную на альманахѣ календарѣ, какъ разъ противъ того числа, когда произошелъ со мною описанный случай. Апрѣля 17-го я получилъ отъ своихъ письма, извѣщавшія меня о смерти моей сестры, послѣдовавшей какъ разъ въ день моего видѣнія т. е. 24-го марта 1845 г.

3-й случай.— Нижеслѣдующій фактъ является еще болѣе замѣчательнымъ, благодаря тому что къ первому инциденту символично-телепатическаго воспріятія присоеди-няются два другіе инцидента воспріятія просто телепатическаго, находящіеся въ связи съ первымъ.

У г-на Гѣнтера была кормилица, женщина стараго закала, любившая его болѣе своихъ собственныхъ сыновей, звали ее мистриссъ Макфарлэнъ. Когда онъ женился, она привязалась къ его женѣ и служила компаньонкой этой послѣдней во время одного путешествія г-на Гѣнтера въ Индію. Въ іюнѣ 1857 года г-жа Гѣнтеръ поѣхала на воды и оставила на храненіе Mrs. Макфарлэнъ шкатулку съ цѣнностями. Однажды вечеромъ въ августѣ мѣсяцѣ г-жа Гѣнтеръ находилась у себя на квартирѣ въ обществѣ нѣсколькихъ друзей, ей понадобилось пойти въ столовую. Проходя мимо открытой двери своей комнаты, она почувствовала неотразимое влеченіе туда заглянуть и увидѣла стоящій на постели широкій гробъ, около котораго сидѣла высокая, полная старуха, и пристально смотрѣла на этотъ самый гробъ. „Я тотчасъ повернула назадъ, пишетъ она, и рассказала гостямъ о своемъ видѣніи, что конечно было встрѣчено громкими взрывами смѣха, къ которому я сама не замедлила присоединиться. Тѣмъ не менѣе я дѣйствительно видѣла, и была въ состояніи опи-

сать платьѣ, въ которое была одѣта старуха моего видѣнія.

„Какъ только мои гости со мной простились, я по обыкновенію отправилась въ послѣдній разъ навѣстить дѣтскую и замѣтила, что гувернантка казалась возбужденной и взволнованной. Когда я собралась уходить, она пошла за мной и наконецъ заговорила: „Сударыня я очень взволнована—со мной приключилась странная вещь: сегодня въ 7 часовъ вечера я отправилась за водой на кухню и, обернувшись, замѣтила высокую полную старуху, поднимающуюся по лѣстницѣ; я постороилась, чтобы ее пропустить; но въ ней было что то такое странное, что я обернулась, что бы взглянуть, куда она пойдетъ. Дверь гостиной была открыта и она пошла въ ту сторону; но прежде чѣмъ я ее настигла она на моихъ глазахъ растаяла и какъ бы растворилась. Я могу поклясться, что я ее видѣла и также могу сказать, какъ она была одѣта:—на головѣ у нея была широкая черная повязка, а на плечахъ шаль съ черными и бѣлыми клѣтками“. Описание это соотвѣтствовало вполнѣ тому, что видѣла и сама г-жа Гѣнтеръ. Приблизительно черезъ полчаса послѣ того какъ она легла въ постель, г-жа Гѣнтеръ услышала крикъ своей пятилѣтней дочки, а въ слѣдъ за этимъ голосъ гувернантки, которая старалась ее успокоить. На другое утро маленькая Е. рассказала, что какая то злая старуха усѣлась на столъ и стала на нее такъ пристально смотрѣть, что она наконецъ закричала. Кормилица и гувернантка подтвердили, что дѣвочка совсемъ проснулась и, сидя на кровати пальчикомъ указывала на столъ съ крикомъ „уходи, уходи гадкая, злая старуха“. Сама гувернантка ничего не видѣла, передъ этимъ она только что легла въ постель предварительно заперевъ дверь на ключъ“.

„Дня черезъ два я получила письма отъ сыновей Mrs Макфарлэнъ, извѣщавшихъ о ея смерти и увѣдомлявшихъ меня, что послѣдніе часы ея жизни протекли въ постоянныхъ мысляхъ о моемъ мужѣ и его семействѣ. Гувернантка, узнавши объ этомъ событіи воскликнула: „Боже мой! Да вѣдь это я ее видѣла прошлый вечеръ, она какъ разъ такъ одѣвалась!“ Миѣ не удалось узнать точный часъ ея смерти; письмо мое съ выраженіемъ сочувствія, въ которомъ я ставила этотъ вопросъ, осталось безъ отвѣта. Однако шкатулка съ цѣнностями была миѣ возвращена“.

(Mrs Гѣнтеръ, Proceedings of the S. P. R., ст. 129).

4-й случай.—Вотъ другой примѣръ, въ которомъ теле-

патическое воспріятіе уже не превращается въ обычный символъ гроба, а вызвало, оказывается, скрытое воспоминаніе о похоронныхъ обычаяхъ въ Голландіи, ассоціировавшееся со смертью одного друга голландца.

Въ продолженіе долгаго времени я была связана тѣснѣйшей дружбой съ однимъ голландцемъ г. Гидкуперъ. Въ первыхъ числахъ іюля прошлаго года, я получила письмо отъ его старшей дочери, извѣщавшей меня, что отецъ ея опасно заболѣлъ. Съ этихъ поръ я получала о немъ извѣстія каждый день. 27-го іюля меня извѣстили открытымъ письмомъ, что въ здоровьѣ его послѣдовало улучшеніе. Въ это время я находилася въ Спа, такъ какъ страдала сильными невралгіями.

27-го ночью у меня были такія боли, что мнѣ не удалось заснуть; можетъ быть я иногда и дремала, но я увѣрена, что я совсѣмъ не спала, когда со мной случилось то, что я сейчасъ расскажу.

Прежде всего я должна сказать, что въ Голландіи существуетъ обычай послѣ смерти знатныхъ лицъ обращаться къ услугамъ похороннаго пріора. Чиновникъ этотъ, одѣтый въ черный сюртукъ, короткіе панталоны, въ шляпѣ украшенной кокардой, и полосами крепа, спускающимися по обѣимъ сторонамъ ея, долженъ отпрапляться во всѣ знакомыя покойному дома и объявлять о его смерти.

Въ утро, о которомъ я говорю, заря уже занялась и я отчетливо различала всѣ предметы; какъ вдругъ дверь отворилась, и я увидѣла входящаго похороннаго пріора. Онъ остановился неподвижно, молча держа въ рукахъ широкій листъ бумаги. Я спросила себя: вижу я это во снѣ или на яву и окинула взоромъ все окружающее; я отлично узнала каждый предметъ; обернувшись къ окну и замѣтила свѣтъ зари, пробивавшійся сквозь закрытые ставни; взглянула на часы, они показывали 5 часовъ. Я обернулась тогда въ сторону видѣнія, но все уже исчезло. Изъ Голландіи я выѣхала почти шесть лѣтъ тому назадъ, и забыла какъ тамъ принято извѣщать о смерти, или по меньшей мѣрѣ я уже годы объ этомъ не думала. Оказалось, что въ это самое утро, въ 3 ч. 20 мин. скончался мой другъ.

Спустя нѣкоторое время мнѣ случилось спросить у вдовы m-me Гидкуперъ подробности относительно момента смерти ея мужа, и я узнала, что въ первую голову стали обсуждать вопросъ какимъ способомъ довести до моего

свѣденія печальную вѣсть. (Миссъ Коммербель Proceedings of the S. P. R. т. 11, ст. 174).

Это послѣднее обстоятельство заставляетъ предполагать, что телепатическій импульсъ исходитъ не отъ умирающаго, а отъ кого-нибудь изъ родственниковъ принимавшихъ участіе въ обсужденіи.

5-й и 6-й случаи.—Вотъ два случая, происшедшіе съ однимъ и тѣмъ же перципіентомъ, у котораго „роковой знакъ“, какъ онъ его называетъ заключается въ видѣніи конверта съ широкими черными полосами по краямъ.

Я прожилъ нѣсколько недѣль лѣтомъ въ „Conished Priory“. Какъ то въ воскресенье вечеромъ я былъ у вечерни, служба происходила въ пріемной монастыря. Въ то время какъ пѣли псалмы, я вдругъ увидѣлъ на очень небольшомъ разстояніи отъ меня, прямо передъ собой, висящій въ воздухѣ конвертъ съ широкими черными каймами по краямъ. Это былъ „роковой знакъ“—предвѣстіе смерти для кого-нибудь изъ моихъ родныхъ или друзей. Я тотчасъ же написалъ матери, требуя вѣстей. Но въ этотъ день никакого извѣстія о смерти не пришло, и я, въ концѣ концовъ, пересталъ принимать во вниманіе случившееся, думая, что на этотъ разъ дѣло шло о простомъ оптическомъ видѣніи.

Однако почта изъ Индіи не замедлила принести мнѣ письмо отъ моего брата, извѣщавшаго меня о внезапной смерти одного изъ моихъ племянниковъ. Умеръ онъ въ самый день моего видѣнія и, принимая во вниманіе разницу въ долготѣ, почти въ одинъ и тотъ же моментъ съ моимъ видѣніемъ.

Въ другой разъ я видѣлъ во снѣ, что я дома, и что ко мнѣ приближается женщина съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ лежитъ письмо съ широкой траурной каемкой. Я взялъ письмо съ „роковымъ знакомъ“ но я не могъ узнать женщину, хотя я чувствовалъ, что это прислуга. Я разсказалъ сонъ сестрѣ и мы оба тщетно старались истолковать значеніе. Черезъ нѣсколько дней моя сестра получила извѣстіе о внезапной смерти одной служанки, не задолго передъ тѣмъ оставившей мѣсто въ нашемъ домѣ. (Эрнестъ А. Дженкенсъ, Light, 1901 г. ст. 549).

Всѣ вышеназложенные примѣры относятся исключительно къ случаямъ символическаго *видѣнія*; этого рода явленія встрѣчаются гораздо чаще чѣмъ подобныя же сим-

волическія явленія акустическія графическія и мимическія. Происходитъ это вѣроятно отчасти отъ специальныхъ условій, необходимыхъ для полученія явленій, а съ другой стороны это согласно и съ общими правилами *) для всѣхъ метампсихическихъ манифестацій берущихъ свое начало въ подсознательномъ. Въ общемъ обнаруженіе и проявленіе подсознательной работы преимущественно въ зрительныхъ символахъ находится вѣроятно въ связи съ превосходствомъ представляемымъ типомъ зрительнаго символизма по сравнению съ другими формами психическихъ идіосанкразій (предрасположеній).

Въ числѣ самыхъ любопытныхъ манифестацій слуховаго символизма, я укажу на то, что обыкновенно извѣстно подъ названіемъ „тикъ-такъ — часовъ смерти“. Форма эта соответствуетъ суевѣрію свойственному народамъ Сѣвера, а именно, что случаи смерти возвѣщаются родственникамъ и друзьямъ съ помощью характерныхъ настойчивыхъ ударовъ похожихъ на тиканье маятника. Суевѣріе это, подобно большей части, такъ называемыхъ народныхъ повѣрій, находитъ себѣ законное основаніе въ реальномъ существованіи этихъ телепатическихъ феноменовъ. Эта форма символизма получаетъ тѣмъ большее значеніе, что одному изъ самыхъ образованныхъ и гениальныхъ членовъ „Лондонскаго Общества Психическихъ изслѣдованій“—Г-жѣ Верэль—много разъ удавалось провѣрить это на своемъ личномъ опытѣ, при чемъ одинъ случай такихъ воспріятій она сообщила въ секретариатъ Общества за 24 часа до исполненія предсказаннаго событія.

Мгс. Верэль полагаетъ, что форма—у нея постоянная—въ которую выливаются эти воспріятія объясняется слѣдующимъ образомъ: въ дѣтствѣ она въ первый разъ услышала тиканіе „часовъ смерти“ передъ кончиной одного изъ своихъ родственниковъ; тотчасъ же ей объяснили то таинственное значеніе, которое приписывается этимъ сту-

*) Вѣрѣе условіями—ред.

камъ и это произвело глубокое впечатлѣніе на ея дѣтскую душу.

Принимая во вниманіе характеръ описанныхъ инцидентовъ и сдержанность, съ которой Mrs. Верэль говоритъ о нихъ въ Journal of the S. P. R., я не считаю себя вправе ихъ оглашать и ограничусь приведеніемъ другаго случая того же рода, оставляя за собой право рассказать нѣсколько случаевъ изъ другой категоріи.

7-й случай. — Для краткости я пропускаю всѣ подробности, предшествующія факту въ которыхъ говорится, что перципиентъ. Г. Альфредъ Жафере, въ моментъ инцидента жилъ съ своей женой въ Берлинѣ, вдали отъ семейства.

Однажды вечеромъ,—пишетъ онъ—мы съ женой возвратились домой изъ концерта около 11 часовъ. Мы были очень утомлены и тотчасъ же улеглись. Моя жена заснула почти въ ту же минуту; я не замедлилъ послѣдовать ей примѣру. Черезъ нѣкоторое время я вдругъ проснулся, голова моя была настолько ясна, что можно было сказать, что я спалъ не 20 минутъ только, а нѣсколько часовъ; мое вниманіе было тотчасъ же привлечено извѣстнымъ характернымъ шумомъ, который обыкновенно называется „тикъ-такъ часовъ смерти“. Я зналъ, что о нашихъ часахъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ у нихъ была сломана пружина. Я легко убѣдилъ себя, что звукъ издается какимъ-нибудь насѣкомымъ или червякомъ, скрытымъ въ мебели, и пересталъ объ этомъ думать. Однако звукъ все продолжался и любопытство одержало верхъ. Я зажегъ свѣчу, всталъ съ постели рѣшивъ отыскать точный пунктъ, откуда онъ исходилъ. Но я тотчасъ же убѣдился, что шумъ этотъ дѣйствуетъ, какъ блуждающіе огоньки; если я начиналъ слѣдить за нимъ въ одномъ пунктѣ, онъ моментально переносился въ другой. Я принужденъ былъ отказаться отъ моего предпріятія, и потихоньку опять пробрался подъ одѣяло. Этого однако было достаточно, чтобы побезпокоить жену, которая въ полуснѣ замѣтила:—„Эльфи, ты не слышишь? часы идутъ“. Не успѣлъ я ей отвѣтить, какъ она опять погрузилась въ глубокій сонъ. Немного спустя заснулъ и я и проснулся только утромъ. За завтракомъ жена мнѣ сказала: „Какой странный сонъ видѣла я этой ночью! Я была съ твоей матерью, подбородокъ у ней былъ обвязанъ платкомъ, а ротъ и все лицо судорожно и мучительно сжималось“. Мы

посмѣялись надъ этимъ сномъ и стали собираться чтобы ѣхать въ экипажѣ въ Шарлотенбургъ. Я уже былъ въ гостинной въ ожиданіи жены, когда слуга постучалъ въ дверь и подалъ мнѣ телеграмму. Отецъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: „Твоя мать умерла прошлую ночь; подробности письмомъ“. Въ полученномъ затѣмъ письмѣ заключались между прочимъ слѣдующія подробности: „Параличъ разбилъ твою мать внезапно, за шесть часовъ до смерти у нея отнялся языкъ, но сознание сохранялось. Она дѣлала мучительныя усилія, чтобы заговорить, ротъ ея искривлялся такой ужасной судорогой, что докторъ изъ боязни послѣдствій, прекратилъ движенія челюсти съ помощью платка, туго завязаннаго подъ подбородкомъ. Она скончалась въ 4 часа утра“. (Journal of the S. P. R., т. I, ст. 482).

Я пропускаю изрядное количество другихъ случаевъ телепатическаго символизма; хотя и очень интересные и разнообразныя, они, тѣмъ не менѣе, не навели бы на новыя соображенія. Отмѣчу только, что въ нѣкоторыхъ примѣрахъ встрѣчаются указанія на то что иногда—въ рѣдкихъ случаяхъ—символическія формы обусловливаются и зараждаются не въ подсознаніи перципента, а берутъ свое начало непосредственно въ подсознаніи агента*). Гипотеза логически допустимая и вполне законная съ научной точки зрѣнія.

Примѣръ такого рода, мы будемъ имѣть случай комментировать дальше.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Во всѣхъ случаяхъ телепатическаго взаимодействія лицо отъ котораго идетъ импульсъ—или внушитель—называется агентомъ, а лицо воспринимающее импульсъ называется перципентомъ—Ред.

БЕЗСМЕРТІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДУШИ.

по Тейхмюллеру.

Рефератъ В. И. Тайца, читанный на годичномъ собраніи Русскаго Спиритуалистическаго Общества 31 марта 1908 г.

(Окончаніе).

Установивъ, такимъ образомъ, принципы и, рассмотрѣвъ положеніе человѣческой души въ ея исторіи, авторъ приступаетъ къ выводу слѣдующаго заключенія. Принимая въ соображеніе, что міръ, вообще, поступательно идетъ къ совершенству, а всякія успѣхи возможны только путемъ присовокупленія новаго развитія къ предъидущему; что душа, какъ раньше уже было доказано, никогда не теряетъ своего прибрѣтеннаго жизненнаго содержанія и въ самой себѣ обладаетъ стремленіемъ и силою на дальнѣйшее развитіе, а этому стремленію въ исторіи человѣчества вовсе не дано еще удовлетворенія—намъ не остается ничего иного, какъ признать, что наше до сихъ поръ прибрѣтенное образованіе и работа не пропадутъ безъ пользы, но что намъ предстоитъ, пока еще скрытое для насъ, дальнѣйшее существованіе, въ которомъ мы съ нынѣшней ступени продолжимъ свое личное развитіе и, такимъ образомъ, душѣ предстоитъ личная жизнь за гробомъ, съ сохраненіемъ личнаго сознанія прибрѣтеннаго сю жизненнаго содержанія. Намъ долженъ открыться новый міръ съ большимъ поприщемъ, съ видами на совершенство.

Перспектива велика, божественна и таинственна! Одни лишь тупицы не хотятъ знать тайны природы, между тѣмъ, какъ самостоятельные умы сознаютъ, что при всей законосообразности и правильности въ мірѣ, самое существованіе міра и послѣднее основаніе всѣхъ законовъ и силъ всегда остается самой очевидной тайной; оно даетъ себя знать всякому, но не дается, чтобы его постигли изъ исходящихъ отъ него законовъ и силъ. Мистерія—повсюду начало и конецъ.

И такъ, нашей душѣ предстоитъ будущность и пускай не думаютъ эту блестящую перспективу пожаловать однѣ лишь аристократическія души, выдающіяся въ искусствѣ, науки, практической мудрости или замѣчательныя по

человѣколюбію и возвышенности души. Не надо забывать то, о чемъ въ поэтической формѣ напомнилъ Платонъ: наша душа—говоритъ онъ,—подобно богу Протею, является униженною и въ водоросляхъ, замаранною иломъ до неузнаваемости, а всетаки она обладаетъ скрытою силою безсмертнаго существа.

Въ противоположность сказанному существуетъ у людей слѣдующій взглядъ: зачѣмъ-де приписывать незначительному существу, человѣку, такое достоинство и такую безконечную продолжительность, когда видно какъ ничтожно существованіе безчисленнаго множества людей, изъ которыхъ всякій представляетъ только маленькую дробь общества, въ какомъ живетъ. Развѣ не достаточно,—говорятъ они,—что каждый живетъ для „идеи“, приноситъ немножко пользы другимъ, а другіе пособляютъ ему, и изъ всѣхъ этихъ крошечныхъ приношеній возводится прекрасное зданіе культуры, которое принадлежитъ только цѣлому человечеству.

Спрашивается—что-же такое само это цѣлое? На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ: семейство, государство, отечество. Но кто-же не знаетъ, что этого цѣлага по себѣ и въ себѣ не существуетъ. Что такое семейство, какъ не названіе для всѣхъ членовъ семьи вмѣстѣ? Гдѣ отечество, или государство, какъ не въ гражданахъ, которые своими нравами и культурою образуютъ политическую или національную общину? Поэтому если желательно работать не на пустое слово, то всѣ блага должны достаться исключительно живымъ индивидамъ, единичнымъ, личнымъ душамъ, кои однѣ образуютъ жизнь и всякое общество. Цѣлое имѣетъ достоинство только въ достоинствѣ единицъ, и забота о другихъ имѣетъ только тогда смыслъ, когда въ другихъ, а также и въ насъ самихъ признается безконечная цѣль. Поэтому развитіе цѣлага не имѣетъ никакого смысла, если не пребываютъ индивидуальныя носители развитія. Значитъ, все ведетъ къ признанію безконечнаго значенія личности, которая не всходитъ подобно колосу лишь для того, чтобы доставить другимъ пару зеренъ, а затѣмъ исчезнуть въ видѣ соломы,—нѣтъ, человѣческая личность есть бытіе въ себѣ безъ начала и конца,—бытіе въ которомъ только и происходитъ жизнь, ибо всякая жизнь осуществляется лишь въ носителяхъ бытія, въ индивидуальныхъ субстанціяхъ, какова душа. Если не уцѣлѣютъ души то не уцѣлѣютъ и атомы естествоиспытателей: тогда все должно привратиться въ ничто, а это также невозможно, какъ и то, чтобы изъ ничего стало бытіе. Въ индивидуаль-

ной душѣ лежитъ таинство сущаго. Кто слѣдуетъ другому воззрѣнію, тотъ продаетъ свое первородство за чечевичную похлебку. Пусть не презираютъ души въ ея низкой оболочкѣ, ибо больше и прекраснѣе ея нѣтъ ничего въ цѣломъ свѣтѣ.

Еще одно доказательство личнаго безсмертія души. Вплоть до ступени человѣческой жизни развитіе субстанции повсюду осуществляется безсознательнымъ путемъ: вѣдь даже и животныя, повидимому, живутъ какъ-бы во снѣ; но съ появленіемъ человѣка сознание начинаетъ быть условіемъ всяческаго развитія. Хотя и самъ человѣкъ еще очень многое воспринимаетъ безсознательнымъ путемъ, но это относится только къ основанію, такъ сказать, къ фундаменту его образованія, а все высшее развитіе, благодаря которому онъ и есть человѣкъ въ собственномъ смыслѣ, совершается при личномъ самосознаніи; это одно и дѣлаетъ его личностью. По этому если личное содержаніе жизни вмѣстѣ съ своимъ сознаніемъ опять угаснетъ въ смерти, то на основаніи эконолическаго принципа, ближайшая ступень, до которой могла-бы вновь доразвиться душа послѣ смерти, была-бы опять сознательная душа человѣческая. Вѣдь сравнительно съ безсознательною жизнью стоитъ ступенью выше жизнь личносознательная. И такъ, вмѣсто поступательнаго движенія вышло-бы движеніе по кругу, вслѣдствіе чего мы должны были-бы возвращаться обратно къ покинутой уже исходной точкѣ, чтобы послѣ того опять достигнуть только личнаго сознанія. Но въ силу этого наше прежнее человѣческое бытіе стало-бы совершенно бесполезно и могло-бы, какъ нуль, быть выброшено изъ цѣпи развитія. Значитъ, мы должны либо совершенно отказаться отъ мысли о дальнѣйшемъ развитіи, либо, въ качествѣ не-обходимаго слѣдствія, согласиться, что особенный характеръ и выгода нашей человѣческой ступени, именно, личное сознаніе — сохраняется. Это доказательство, по своей формѣ, обладаетъ трезвостью и несумолимой строгостью, какъ математическій выводъ; по своему-же содержанію оно затрагиваетъ глубокою сердечную тайну, ибо здѣсь дѣло идетъ о предметахъ, конхъ не зрѣло ни одно око и не слышало ни одно ухо. Что мы должны признать дальнѣйшее развитіе, къ этому побуждаетъ насъ съ самой строгой логикою ясно понятое научное основаніе.

Люди, въ своихъ воззрѣніяхъ на міръ, впадаютъ въ большія разнорѣчія. Нѣкоторыя благодущныя натуры находятъ нашъ міръ прекраснымъ. Онѣ пользуются отличнымъ здоровьемъ, обладаютъ множествомъ друзей, наслаж-

даются удовольствіями, благами гражданской дѣятельности, занятіями искусства или науки. Эти оптимисты хвалятъ успѣхи образованія, всяческіе порядки и полны славословія. Другія натуры, напротивъ того, постоянно страдаютъ и рѣдко веселы. Міръ кажется имъ столь-же нецѣлесообразнымъ, сколько для оптимистовъ прекраснымъ. Человѣческая раса, по мнѣнію этихъ пессимистовъ, пошла, глуха и въ конецъ испорчена корыстью. Пресловутый прогрессъ они находятъ смѣшнымъ потому что сердечная злоба дѣлаетъ невозможнымъ всякій истинный прогрессъ.

И такъ пессимистъ правъ противъ оптимиста въ томъ, что онъ, побуждаемый стимуломъ идеала, не находитъ здѣсь совершенства. Но онъ и не правъ въ томъ отношеніи, что у него нѣтъ ни основанія, ни права искать совершенства здѣсь. Оптимистъ же не правъ потому, что онъ не достаточно глубоко и серьезно проникнуть достоинствомъ людей, и удовлетворяется незначительными благами, которымъ далеко до совершенства. Съ другой стороны онъ также и правъ, потому что на этой ступени, вообще, невозможенъ наивысшій подвигъ, а всетаки и здѣсь сила и благодать будущаго исполненія уже просвѣчиваетъ и даетъ достаточное утѣшеніе.

Такимъ образомъ — непримиримый споръ этихъ двухъ міровоззрѣній даетъ намъ новое доказательство безсмертія души и будущей заочечности, ибо безъ этой перспективы намъ пришлось-бы допустить неразрѣшимое противорѣчіе въ жизни и въ мировомъ законодательствѣ. При такомъ-же воззрѣніи, каковаго придеживается Тейхмюллеръ, мы легко находимъ разрѣшеніе и можемъ справедливо разсудить спорящихъ по высшему міровому закону. Истина-же всегда тамъ, гдѣ находится разрѣшеніе трудностей и гдѣ возможно познать и объяснить данныя изъ опыта явленія въ согласіи, въ законосообразности, въ порядкѣ.

Еще одинъ вопросъ: если загробная жизнь существуетъ, то пріятна-ли она! Различныя религіи изображаютъ будущую жизнь, съ одной стороны, какъ полную обѣтованій, а съ другой въ высшей степени опасной и ужасной, — такою, гдѣ жесточайшія и вѣчныя муки ожидаютъ злодѣевъ. Эти предостереженія, разсчитанныя на грубыя натуры, имѣютъ, конечно, не малое практическое значеніе. Онѣ даже, пожалуй, необходимы для укрощенія страстей и, потому ими нельзя пренебрегать для воспитанія народа. Но тотъ, кто принимаетъ свои рѣшенія изъ соображенія о наградѣ и наказаніи, тотъ поступаетъ какъ насмѣикъ или какъ разсчитливый дѣлецъ. Философія указываетъ, что человѣкъ

въ состояніи искать и находить нравственное не изъ за награды. Мы ищемъ здѣсь или за гробомъ такой жизни, которая, по своей собственной цѣнности, была-бы лучше и достойнѣе, чѣмъ ей противоположная. Соображенія-же, выводимыя изъ философскихъ источниковъ познанія, т. е. изъ опыта и разума даютъ возможность признать, что пріятное или непріятное состояніе души послѣ смерти, въ точности будетъ соответствовать ея собственному жизненному содержанію, совершенно такимъ-же образомъ, какъ оно выражается и здѣсь посредствомъ нашего настроенія. Ибо сильныя страсти и вообще дѣянія, совершаемыя только тайно и со страхомъ, естественно, не могутъ внести въ наше настроеніе какого либо покоя, мира или внутренняго блаженства, а ввергаютъ насъ въ постоянное безпокойство, сомнѣніе, страхъ и бѣдственное напряженіе. Подобное настроеніе въ качествѣ кары, будетъ сопровождать жизнь человѣка съ такою-же необходимостью, какъ тѣнь слѣдуетъ за предметомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, будущая жизнь не можетъ составлять исключенія изъ этого правила.

Еще и другой вопросъ считается обыкновенно камнемъ преткновенія для ученія о безсмертіи, а именно—возможно-ли мыслить душу, существующую безъ тѣла? Этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія четвертаго міровоззрѣнія, разрѣшается очень просто, ибо вся трудность разрѣшенія состоитъ лишь въ противоположности матеріи и идеи. Душа, по четвертому міровоззрѣнію, можетъ существовать безъ тѣла, потому что она и при жизни также существуетъ безъ тѣла, ибо душа есть самобытная субстанція, которая имѣетъ свое бытіе въ себѣ: она не есть составъ подобно человѣческому организму, а одна изъ элементарныхъ самобытныхъ субстанцій и, какъ каждый членъ семейства или народа существуетъ самостоятельно для себя и можетъ обходиться безъ другихъ, такъ и душа существуетъ для себя и можетъ обходиться безъ тѣла; но какъ человѣкъ безъ связи съ другими людьми не могъ-бы пользоваться воздѣйствіями со стороны другихъ, точно также и душа безъ тѣла осталась-бы безъ воздѣйствія и развитія. Слѣдуетъ, однако, помнить, что душа всегда бываетъ окружена тѣломъ. Душа никогда, вѣдь, не бываетъ внѣ міра, ибо она принадлежитъ къ цѣлому, которое неунничтожаемо и вѣчно. Растенія, животныя и человѣческія особи бренны: онѣ возникаютъ и разлагаются на свои элементы; цѣлое-же всего сущаго, т. е. самъ міръ не можетъ исчезнуть. И такъ, душа, остающаяся въ соотношеніи съ другими субстанціями, стало быть, всегда окружена тѣмъ, что мы называемъ тѣ-

ломъ, ибо то, что мы называемъ тѣломъ не есть сама субстанція, а только ея явленіе въ насъ. При томъ, даже и живое наше тѣло не имѣетъ ни матеріальнаго единства ни прочной границы а уподобляется машинѣ, которая тогда только бываетъ машиной когда она дѣйствуетъ, т. е. когда она покидаетъ свою изолированность и функционируетъ нераздѣльно съ другими тѣлами, наприм. флейта безъ стремящагося черезъ нее воздуха не есть флейта; пила не есть пила, если ее не водить назадъ и впередъ по какому-нибудь другому тѣлу, при чемъ это другое тѣло ею распиливается. Поэтому и наше тѣло тогда лишь живо, когда оно выпускаетъ въ себя виѣшній міръ посредствомъ органовъ чувствъ, легкихъ и пищеварительныхъ путей, а само постоянно растворяется всѣми своими частями въ окружающемъ мірѣ. Значитъ, строго говоря, мы не можемъ найти границъ своего тѣла нигдѣ кромѣ, какъ въ цѣломъ мірѣ чувственнаго воспріятія. Весь міръ есть наше тѣло. Поэтому нѣтъ никакихъ опасеній, что душа можетъ оказаться безъ тѣла, ибо мы никогда не можемъ выйти изъ міра; душа, какъ индивидуально развившаяся сила, постоянно будетъ индивидуально организовать свое общеніе съ цѣлымъ, такимъ-же путемъ, какъ чиновникъ, перемѣщенный съ своего прежняго мѣста въ отдаленную провинцію, очень скоро ориентированъ среди новыхъ отношеній и продолжаетъ свойственную ему дѣятельность.

Нѣмецкій юмористъ Генрихъ Гейне, въ одномъ изъ своихъ поэтическихъ произведеній, представляетъ себѣ будущую жизнь безконечно скучною. Если-бы мы въ ясномъ познаніи разумомъ могли предвидѣть подобное свойство будущей жизни, то вмѣсто надежды на иной лучшій міръ мы скорѣе предпочли-бы заснуть безъ всякаго сознанія, ибо безконечная скука страшнѣе дѣйствительнаго страданія. Но этотъ остроумецъ не освѣщалъ понятія скуки философскимъ анализомъ. На самомъ-же дѣлѣ скука есть доказательство нашего предназначенія къ совершенству, ибо скука наступаетъ при однообразіи состояній и мыслей. А такъ какъ наша природа вовсе не выноситъ остановокъ, а требуетъ непрерывнаго движенія впередъ, то потому, при однообразіи, и одолеваетъ насъ скука.

Но предположимъ, что мы достигли совершенства и болѣе нечему уже научится. Все совершенное имѣетъ свою сущность по себѣ единообразіе, и если-бы это единообразіе прекратилось, то міръ тотчасъ погрузился-бы въ хаосъ. Законы природы всегда остаются одинаковы: рѣки не могутъ замерзнуть въ Іюль, тупой уголъ всегда больше пря-

мого. Все совершенное насъ радуетъ, а если и примѣшивается, подконецъ, равнодушіе и скука, то въ томъ виновато не самое совершенное въ себѣ, а наша несовершенная природа, которая не можетъ удовлетвориться дробью совершенства, но требуетъ совершеннаго и для другихъ стремленій нашей души. Мы можемъ постигать совершенное во времени и наслаждаться имъ только толчкообразно и потому должны искать для каждаго новаго мгновения чего то иного, потомъ опять иного, всегда стремиться къ новому, еще не познанному. Но если-бы себѣ представить, что въ одно и тоже мгновение всѣ наши силы находятся въ совершенной дѣятельности, и не одна только часть ихъ, а всѣ одновременно, тогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотчасъ упразднилось-бы и самое время и мы стояли-бы передъ изображеніемъ вѣчнаго совершенства; ибо съ тѣхъ поръ невозможно уже было-бы желаніе перемѣны, потому что не было-бы ничего, что могло-бы еще далѣе стремиться къ развитію, — ничего что давало бы объектъ времени, которое измѣряется только перемѣнами; съ этимъ тогда связывалось-бы абсолютное удовлетвореніе, божественная радость и не оставалось-бы никакого основанія для нетерпѣнія или скуки.

Когда человѣку открывается перспектива жить далѣе, первымъ его вопросомъ можетъ быть всегда лишь, „что же мы будемъ дѣлать?“. Относительно будущей жизни греки думали, что Элизіумъ полонъ ликованій и волненій большихъ празднествъ и игръ; въ средніе вѣка желали стоять у трона Владыки міра, на подобіе придворной службы на княжескихъ пирахъ, или пѣть псалмы; древніе германцы, обладавшіе большимъ задоромъ, надѣялись на томъ свѣтѣ постоянно вести другъ противъ друга кровавыя боища, а татѣмъ, опять исцѣлвшись отъ ранъ и смерти, тотчасъ садиться за столы и за неизсякаемымъ медомъ рассказывать другъ другу про свои опасности и подвиги. Всѣ эти представленія суть только отраженія земной жизни и своею бѣдностью выдають узкій кругозоръ уповающихъ. Нельзя отрицать, что и великіе философы идеализма слѣдовали тому-же ходу мыслей. По ихъ ученію, въ загробной жизни, будутъ постоянно мыслить логическія и метафизическія категоріи. Значитъ, и у этихъ философовъ содержаніе совершеннаго и божественная жизнь есть не что иное, какъ то, что здѣсь въ человѣческой дѣятельности они признали за наивысшее.

Авторъ думаетъ, что міръ еще не исчерпалъ своего содержанія, что существуетъ еще непредвидимый запасъ жизни и знанія, съ высоты котораго мы оглянемся на нынѣ-

шнюю нашу дѣятельность, какъ на дѣтскія начинанія. Доказательствомъ тому служитъ незаконченность нашего развитія. Но если-бы, кромѣ этого строгаго научнаго доказательства, кто-либо пожелалъ-бы еще и нагляднаго представленія о томъ что мы будемъ дѣлать, то приходится тому отвѣчать, что высшая ступень необходимо должна быть скрыта отъ того кто се еще долженъ пережить, иначе она и не была-бы вышею.

Авторъ заканчиваетъ свой трудъ слѣдующими словами: „мы должны повѣрить въ богатство Мировой Сущности, которая не станетъ угощать насъ давно пережитымъ, но изъ рога изобилія не совершившейся еще сути высыпать новый міръ чувствъ, представленій и дѣлъ, который теперь намъ кажется невѣроятнымъ; въ аналогіяхъ можно найти только образъ для соцерзанія, самъ-же предметъ остается для насъ тайною.—“

В. Тайцъ.

Опредѣленіе индивидуальности человѣка по фотографической карточки.

Изъ докладовъ читанныхъ въ Русск. Спир. Об-въ.

Наружность человѣка его лицо, фигура и вѣсь обликъ по большей части соотвѣтствуетъ его характеру, способностямъ и такъ сказать всему его существу, въ чемъ легко убѣдиться сравнивая между собою лицъ различныхъ характеровъ, различныхъ способностей и даже разныхъ профессій. При болѣе внимательномъ наблюденіи можно скоро замѣтить, какой отпечатокъ, накладываютъ на человѣка тѣ или другія индивидуальныя особенности, а также его общественное положеніе и все испытанное въ жизни.

Всего сильнѣе индивидуальность человѣка выражается въ его лицѣ, на которое прежде и слѣдуетъ обратить вниманіе при его опредѣленіи. Лицо человѣка есть азбука, которая говоритъ больше, чѣмъ его языкъ. Языкъ высказываетъ мысль человѣка лицо-же мысль природы. Поэтому всякій заслуживаетъ чтобы его внимательно разсматривали. Дешифрованіе лица есть трудное искусство, первое условіе котораго заключается въ томъ, чтобы разсматривать наблюдаемаго человѣка часто объективнымъ

взглядомъ. Коль скоро появится слѣдъ симпатіи или антипатіи, или если даже придется что-нибудь услышать объ этомъ человѣкѣ, впечатлѣніе становится не вѣрнымъ. Физиономію человѣка видитъ только тотъ, кто ему совершенно чуждъ т. е. тотъ, кто еще не приглядѣлся къ его лицу. Поэтому чисто объективное впечатлѣніе получается только при первомъ взглядѣ. Дальнѣйшимъ знакомствомъ изглаживается это первое впечатлѣніе, но обстоятельства, когда нибудь вполнѣдствіи его подтверждать. Первое лицезрѣніе бываетъ большею частью непріятное, и на чувствительныхъ особъ почти всякое новое лицо производитъ даже впечатлѣніе.

Физиономія человѣка создается слѣдующимъ образомъ: каждая мысль и желаніе налагаетъ на лицо свой отпечатокъ, и эти отпечатки вслѣдствіе многихъ повтореній глубоко врѣзываясь и съ теченіемъ времени образуютъ выраженіе лица или физиономію въ собственномъ смыслѣ.

Изученіе физиономіи есть главное средство для распознаванія, такъ какъ измѣненіе лица не поддается искусству притворства, которому доступна только мимическая сторона. Опредѣленіе лицъ живыхъ людей весьма затруднительно, такъ какъ выраженіе ихъ особенно у людей впечатлительныхъ часто мѣняется и кромѣ того рѣдко удается разсматривать ихъ въ продолженіи періода необходимо для того, чтобы дать себѣ отчетъ. Если-же человѣкъ станетъ позировать, то это непременно произведетъ измѣненіе въ выраженіи лица.

Гораздо точнѣе можно сдѣлать опредѣленіе по хорошей фотографической карточкѣ, и при этомъ слѣдуетъ запомнить что *верхняя часть характеризуетъ интеллектуальную сторону, а нижняя нравственную. Въ верхней части главное значеніе имѣютъ глаза, а въ нижней губы и очертанія рта.*

Доказательствомъ того, что верхняя часть лица характеризуетъ умственную сторону, а нижняя нравственную—можетъ служить измѣненіе выраженія лица у одного и того-же человѣка въ различные моменты его жизни.

Всякая работа мысли сказывается на лбу и на выраженіе глазъ: при усиленной работѣ сдвигаются брови и глаза пріобрѣтаютъ сосредоточенное выраженіе, при созерцаніи ими глядятъ

какъ-бы въ пространствѣ; отсутствіе работы мысли даетъ глазамъ соответственное неопредѣленное выраженіе. Напротивъ нравственное состояніе сказывается, на нижней части лица: при гнѣвѣ губы сжимаются и какъ то сморщиваются, при злорадномъ настроеніи губы растягиваются, и концы ихъ опускаются книзу, при большинствѣ пріятныхъ ощущеній губы складываются въ улыбку. Менѣе всего сказывается на нижней части подавленное состояніе и печаль, характеризующіяся опусканіемъ головы внизъ, сжиманіемъ вѣкъ и потускнѣніемъ блеска глазъ. Нравственное состояніе сказывается отчасти и на верхней части: гнѣвъ даетъ глазомъ особое всеѣмъ извѣстное выраженіе, радость усиливаетъ блескъ глазъ, но эти признаки имѣютъ второстепенное значеніе и не помогаютъ дѣлу при опредѣленіи чело-вѣка.

Для большей ясности слѣдуетъ разсматривать обѣ части лица отдѣльно каждую, закрывъ чѣмъ нибудь противоположную— тогда оттѣнокъ выраженія выступитъ гораздо рельефнѣе. Взглядываясь слѣдуетъ долгое время внимательно, *стараясь схватить выраженіе глазъ и характерное отличіе губъ и очертаніе рта*, а затѣмъ задать себѣ вопросъ, чего можно ждать отъ подобнаго чело-вѣка, тогда легче формулировать замѣченныя особенности. Послѣ осмотра нижней и верхней части лица въ отдѣльности слѣдуетъ осмотрѣть еще весь портретъ, такъ какъ при осмотрѣ всего лица въ цѣломъ удастся еще схватить нѣкоторые трудно уловимыя оттѣнки выраженія.

При этомъ слѣдуетъ сдѣлать оговорку, что бываютъ случаи препятствующіе опредѣленію: напр., когда чело-вѣкъ обыкновенно ходитъ въ очкахъ, а снимется безъ очковъ, то глаза принимаютъ какое-то неопредѣленное выраженіе, и по нимъ ничего нельзя узнать. Тоже самое бываетъ, если губы и очертанія рта совершенно закрыты усами и бородой.

Изученіе фізіономіи со стороны выраженія лица весьма мало разработана. До сихъ поръ, насколько миѣ извѣстно, никто и не подымалъ вопроса о томъ, какъ вліяетъ на выраженіе и характеръ лица спеціальность чело-вѣка и его родъ занятій, а между тѣмъ очень легко концентрировать отлительныя черты лица посредствомъ отпечатыванія на одной карточкѣ многихъ лицъ одной спеціальности или одинаковыхъ свойствъ. Подобныхъ

снимковъ сдѣлано очень не много и то по большей части съ лицъ преступниковъ.

Присматриваясь къ портретамъ людей, имѣющихъ рѣзко выраженные свойства, можно замѣтить слѣдующіе характерныя особенности ихъ фізіономій: Пронизывающій взглядъ характеризуетъ людей практическаго ума, хорошо понимающихъ дѣятельность и умѣющихъ пользоваться случаемъ. Глаза, смотрящіе въ пространство, указываютъ на человѣка отвлеченнаго философскаго ума. У людей науки въ глазахъ видно размышленіе; одинаковое съ нимъ выраженіе имѣютъ люди критическаго ума, способные оцѣнивать и взвѣшивать явленія. У художниковъ, музыкантовъ, и вообще людей искусства глаза имѣютъ особое созерцательное выраженіе. Глаза, смотрящіе въ одну точку, указываютъ на односторонность и прямолинейность ума, которая встрѣчается и у людей выдающихся, (у многихъ администраторовъ можно замѣтить именно эту особенность). У людей тупыхъ глазъ имѣютъ особое неопредѣленное недоумѣвающее выраженіе. Сжатый ротъ и стиснутыя губы означаютъ нравственно сильнаго человѣка, способнаго на борьбу и на упорное преслѣдованіе цѣли; напротивъ полуоткрытый ротъ означаетъ человѣка слабого, неспособнаго къ борьбѣ и легко поддающагося постороннему вліянію. Между этими крайностями существуетъ весьма много промежуточныхъ степеней. Вышеизложенное будетъ понятно, если вспомнить, что на степени сжатія рта отражается общее состояніе (tonus) мускульной системы, которое у нравственно-сильныхъ и энергичныхъ людей находится въ болѣе напряженномъ и дѣятельномъ состояніи, чѣмъ у людей слабыхъ и апатичныхъ. Ротъ безгубый или какъ-бы съ поджатыми губами признакъ жестокаго, сухого и завистливаго характера. Сморщенные губы означаютъ человѣка злого, способнаго на звѣрскіе поступки. Чувственность характера узнается по толстымъ губамъ и по особому слашавому складу губъ. У людей нахальныхъ въ нижней части лица замѣтно нѣчто вызывающее. Прочія нравственныя стороны какъ напр., благородство, храбрость и многіе другіе тоже налагаютъ свой отпечатокъ на очертаніе губъ, изучить который можно только сравнивая портреты многихъ лицъ съ рѣзко выраженными нравственными свойствами.

При разсматриваніи лица въ цѣломъ можно уловить слѣду-

юція особенности. Полное отсутствіе выраженія очень дурной признакъ и означаетъ человѣка, вытравившаго въ себѣ всѣ нравственныя побужденія и способнаго на самыя звѣрскіе поступки. У людей лицемѣрныхъ на лицѣ замѣтень отпечатокъ притворства. Наконецъ отсутствіе единства въ лицѣ указываетъ указываетъ на противорѣчіе въ самой природѣ человѣка.

Относительно вліянія специальности и рода занятій на выраженіе лица человѣка сказать можно очень немного, хотя какъ было указано выше, есть очень простой способъ подвести итогъ многимъ наблюденіямъ и сконцентрировать типичныя особенности многихъ лицъ на одномъ портретѣ. Это именно печатаніе многихъ снимковъ на одной карточкѣ, но такихъ опыговъ сдѣлано очень не много. Наиболѣе типическія особенности вліяніе специальности на выраженіе лица замѣтны у слѣдующихъ группъ: У хирурговъ, у которыхъ въ большинствѣ случаевъ губы и очертаніе рта имѣютъ весьма жестокое выраженіе объясняется это выраженіе тѣмъ, что хирургамъ во время производства операций всегда приходится подавлять въ себѣ чувство состраданія. Подобное выраженіе можно встрѣтить и у физиологовъ, часто производящихъ вивисекціи. У духовныхъ лицъ католическаго исповѣданія, часто наблюдается полное отсутствіе выраженія, что объясняется фанатизмомъ этой религіи, заставляющей подавлять въ себѣ всѣ побужденія во имя интересовъ церкви. Тоже самое отсутствіе выраженія встрѣчается у нѣкоторыхъ полицейскихъ чиновниковъ, которые по обязанностямъ своей службы также должны иногда подавлять въ себѣ нравственныя побужденія. Подобныя особенности выраженія лицъ вѣроятно можно будетъ найти и у представителей другихъ специальностей но въ настоящее время пока ничего опредѣленнаго сказать нельзя.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что всякій таковъ какимъ онъ кажется съ виду; но трудность заключается въ разгадываніи, способность къ которому приобрѣтается опытомъ, и которою никто не владѣеть.

Выраженіе лица всегда соотвѣтствуетъ личности человѣка, хотя мы часто читаемъ не то, что на немъ написано, но при долгомъ упражненіи въ опредѣленіи по портретамъ лицъ по вышеуказанному способу можно выучиться дѣлать опредѣленія съ большей степенью вѣроятности.

И. В.

1908 г. **ЗАПИСКИ** № 3-й

Русского Спиритуалистического Общества.

Изъ протоколовъ засѣданій. 14-ое Засѣданіе. 3 Марта 1908 г.

Первое отдѣленіе посвящено обсужденію предстоящаго публичнаго засѣданія. Затѣмъ прослушивается окончаніе „сеансовъ на хуторѣ Тарновщина“. *В. Я Яновскаго*. Гг. *Лебедевъ С. А. и Вессель И. И.*, изъявили согласіе вступить въ переписку съ участниками этихъ выдающихся сеансовъ, чтобы выяснитъ нѣкоторыя недоговоренныя детали. Послѣ небольшого перерыва:

Г. Чистяковъ П. А. сообщаетъ о имѣющихся у него свѣдѣніяхъ о покойномъ домѣ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Докладчикъ ждетъ отвѣта отъ мѣстнаго доктора г. О., которому онъ сдѣлалъ запросъ отъ имени О-ва.

Слѣдуетъ оживленный обмѣнъ мнѣній по вопросу о процессѣ матеріализацій. *Г. А. и Б.* переводитъ изъ „Light'a“ потустороннее объясненіе процесса матеріализаціи... *Г. Чистяковъ П. А.* излагаетъ теорію средневѣковыхъ некромантовъ и подчеркиваетъ интересное совпаденіе этихъ двухъ объясненій... Въ заключеніе говоритъ о подготовкѣ къ матеріализаціоннымъ сеансамъ...

15-ое Засѣданіе. 10 Марта 1908 г.

1-ое отдѣленіе посвящено обсужденію предстоящаго публичнаго засѣданія. Затѣмъ г. *Чистяковъ П. А.* читаетъ вступительную статью изъ № 1 „Вопросовъ Психизма“.

Второе отдѣленіе занято чтеніемъ драматическихъ сценъ г. *Н. А. Андреева*: „Обыденная жизнь“, Сцены эти, какъ

имѣющія очень близкое отношеніе къ предметамъ, изучаемымъ О-вомъ, вызываютъ живой обмѣнъ мнѣній между собравшимися.

16-ое Засѣданіе. 17 Марта 1908 г.

Послѣ обсужденія и окончательнаго назначенія времени и мѣсто публичнаго засѣданія на 31 Марта с/г. въ домѣ Самариной на Петровкѣ въ 8 ч. вечера,—прослушанъ докладъ г. *И. И. Весселя* „нѣкоторыя дополненія къ ученію о физиогномикѣ“. *) Интересный докладъ вызываетъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Докладчика благодарятъ. *Г. П. А. Чистяковъ* обращаетъ вниманіе докладчика на неудобство нѣкоторыхъ техническихъ приѣмовъ его метода.

Г. А. И. Гольцовъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ личныхъ своихъ опытахъ по физиогномикѣ.

Послѣ небольшого перерыва г. *А. и Б.* знакомитъ собраніе съ описаніемъ любопытнаго случая доказательство духовной самоличности, сдѣланнымъ сербскимъ посланникомъ въ Лондонѣ. Чето-Недовичемъ въ журналѣ *Light*—1908 г.

Возникаетъ обмѣнъ мнѣній по предмету т. н. непокойныхъ явленій. Факты подобнаго рода явленій приводятся гг. *Чистяковымъ, А. и Б. и Н. А. Андреевымъ*. Затѣмъ г. *С. М. Павловскій* дѣлаетъ сообщеніе о новомъ произведеніи *А. Шницлера*: „Странный случай“.

Г. Андреевъ Н. А. сообщаетъ интересный случай, обѣщая подтвердить его документами.

Домовладѣлица *К.* часто видѣла на дворѣ своего дома маленькую рыженькую собачонку, очень ей нравившуюся. Она узнала, что собачка эта принадлежитъ одному изъ жильцовъ ея дома. Однажды ночью г-жа *К.* видитъ во снѣ съ поразительной яркостью, что собаченка эта настойчиво и просительно на нее лаетъ. Сонъ былъ настолько ярокъ, что утромъ г-жа *К.* послала узнать, что случилось съ собачкой и ей отвѣтили, что этой ночью собачка умерла неблагополучными родами. Г-жа *К.* поняла, что звѣрь яв-

*) *Прим. ред.* Сообщеніе это напечатано въ настоящемъ номерѣ «Вопр. Псих.»

лялся къ ней ночью, съ просьбой устроить судьбу своихъ дѣтей. Она взяла себѣ на воспитаніе пару ея шенягъ, и теперь они живутъ у нея и стали ея любимцами...

Факты подобнаго рода заставляютъ вспомнить собравшихся объ интересной работѣ г. Боссано, шедшей на собраніяхъ Р. С. О. сезона 1905-6 г. въ талантливомъ переводѣ члена Об-ва—г. *П. М. Лавровой*. Аналогичные факты приводятъ г. г. *А. и Б., Сербовъ, Штеръ и Андреевъ*.

17-ое Засѣданіе. 24 Марта 1908 г.

По обсужденіи программы предстоящаго публичнаго засѣданія. Собраніе прослушиваетъ докладъ члена Лондонскаго Спиритуалистическаго Союза *Альфреда Вутъ-Питерса*: о современномъ положеніи спиритизма въ Англии. *)

Г. *Гольцовъ А. И.* сообщаетъ рядъ случаевъ лѣченія магнетизаціями лично имъ произведенными.

Сообщеніе это вызываетъ оживленіе обмѣнъ мнѣній, въ которомъ принимаютъ участіе г. *Чистяковъ П. А.*, (сообщившій интересные случаи исцѣленіе въ Лурдѣ), и г. *А. и Б.*

18-ое публичное Засѣданіе. 31 Марта 1908 г.

Открывается рѣчью *Предсѣдателя*, въ которой онъ привѣтствуетъ собравшихся и называетъ это первое открытое засѣданіе радостнымъ праздникомъ, отдыхомъ отъ будничной тяжелой работы... Перечисливъ послѣднія научныя открытія, онъ приходитъ къ выводу, что наука настолько близко подошла къ вопросамъ, разрабатывавшимся ранѣе спиритуалистами, что вопросъ о полномъ сліянніи спиритуализма и науки есть вопросъ лишь временно... Р. С. О. поставили себѣ задачей именно это сліяніе, на что и указываетъ, предлагаемая слушателямъ программа сегодняшняго засѣданія...

Затѣмъ поднимается Членъ Лондонскаго Спиритуалистическаго Союза г. *Альфреда Вутъ-Питерсо* и отъ имени Союза передаетъ привѣтствіе Р. С. Об-ву. Послѣ его рѣчи прослушивается рѣчь и отчетъ Секретаря, которыхъ не

*) *Прим. ред.* Будетъ напеч. въ жур. «Ребусъ».

приводимъ, такъ какъ сущность этой рѣчи, за немногими измѣненіями изложена въ отчетѣ о XI засѣданіи Р. С. О.

Порядокъ докладовъ немного измѣняется и первымъ читается рефератъ г. *Б. И. Тайца*. „О безсмертіи“ За отсутствіемъ докладчика, читаетъ г. *Слоновъ М. А.* Послѣ перерыва, прослушиваются доклады гг. *Сербова* „Демоны въ представленіи древн. христіанъ“, *) и *Чистякова*: „о чтеніи мыслей“. **) Послѣдній докладъ сопровождается свѣтовыми картинами, художественно исполненными г. *В. И. Гридинымъ*.

19-ое Засѣданіе. 7 Апрѣля 1908 г.

Засѣданіе открывается обсужденіемъ перваго открытаго засѣданія Р. С. О.

Собравшіеся находятъ, что серіозность публичнаго засѣданія, была черезъ чуръ-ужъ сильно подчеркнута; но видятъ въ этомъ, какъ свои положительныя, такъ и отрицательныя стороны. На будущій годъ рѣшено выступить съ программой менѣе сухой.

Прослушиваются только что полученныя свѣдѣнія о „Нюльѣ“: письмо доктора *Н.* изъ Варшавы и сообщеніе г. *Кистеръ М. М.*, пріѣхавшаго изъ Мянска.

Рѣшено еще разъ написать г. *Н.* для полученія болѣе положительныхъ данныхъ, а г-на *Кистера* просятъ съ своей стороны навести болѣе точныя справки.

Г-жа *Митягова Л. И.* въ дополненіе и своему сообщенію на 7 засѣданіи добавляетъ, что ея странныя ощущенія развились еще болѣе и принимаютъ характеръ видѣній.

Г. *Кистеръ М. М.* дѣлаетъ рядъ сообщеній изъ своего опыта:

- 1) Непокойныя явленія въ пансіонѣ К.
- 2) Посмертное явленіе стараго еврея, согласно его обѣщанію, данному докладчику при жизни.
- 3) Непокойныя явленія въ дер. Каранда, Виленск. губ., Олемянскаго у.
- 4) Призракъ лошади.

*) *Прим. ред.* Напечатано въ «Ребусъ» с. г.

**) *Прим. ред.* Главная часть доклада была напечатана въ «Ребусъ» за 1904 г.

- 5) Наблюдения подь лунатизмомъ.
6) Удачный сеансъ съ медиумомъ Питерсомъ.

По поводу „непокойной хаты“ докладчикъ обѣщалъ прислать Р. С. О. копию съ протокола урядника и свидѣтельскія показанія мѣстнаго ксендза. Послѣ небольшого перерыва: г. *А и Б.* читаетъ рефератъ новаго труда доктора Альбульсона по вопросу о множественности личности г. *Весель И. И.* рассказываетъ о результатахъ своего посѣщенія ясновидящей—Г-жи Толь.

А. и Б. дѣлаетъ докладъ объ выдающимся случаѣ ясно-видѣнія, духовидѣнія и предвидѣнія медиума Питерса. *)

20-ое Засѣданіе 21 Апрѣля 1908 г.

Г. *Сербовъ* сообщаетъ о новой статьѣ Льва Толстого о безсмертіи, напечатанной недавно въ франц. газетѣ „*Matin*“.

„Мы живемъ во снѣ почти такой-же жизнью, какъ въ дѣйствительности. Паскаль сказалъ, кажется, что если бы могли видѣть себя во снѣ постоянно въ одномъ и томъ-же положеніи, тогда какъ оно мѣнялось-бы въ дѣйствительной жизни, то мы смотрѣли-бы на сонъ какъ на дѣйствительность, а на дѣйствительность, какъ на сонъ. Это не вполнѣ точно. Дѣйствительность отличается отъ сна тѣмъ, что она правдивѣе. Поэтому я выражаюсь иначе: если-бы мы не знали жизни, болѣе реальной, чѣмъ сонъ, мы смотрѣли-бы на сонъ, какъ на настоящую жизнь, и никогда не сомнѣвались-бы, что это-то и есть настоящая жизнь.“

Вся наша жизнь, отъ рожденія до смерти, не есть ли, со всѣми своими снами, тоже сонъ, который мы принимаемъ за дѣйствительность? Не убѣждаемся-ли мы въ ея дѣйствительности только потому, что не знаемъ другой жизни, болѣе дѣйствительной? Я не только думаю это, но я убѣжденъ, что это единственная причина этой увѣренности. Точно также, какъ сны нашей земной жизни являются состояніемъ, во время котораго мы живемъ впечатлѣніями, чувствами, мыслями, принадлежащими нашей прежней жизни, и запасаемся силами къ пробужденію, къ тѣмъ днямъ, которые наступятъ, вся наша теперешняя жизнь является состояніемъ, во время котораго мы живемъ при посредствѣ „карма“ („карма это буддѣйское ученіе о переселеніи души, т.-е. объ ея послѣдовательныхъ воплощеніяхъ) или предыдущей жизни, болѣе дѣйствительной, и

*) *Прим. ред.* Будетъ напечатано въ журн. «Ребусъ».

запасаемся силами для жизни будущей, болѣе дѣйствительной, чѣмъ та, изъ которой мы вышли. Такъ-же, какъ мы переживаемъ тысячи сновъ во время нашей земной жизни, такъ эта жизнь является одною изъ тысячи жизней, въ которыя мы вступаемъ, выходя изъ другой жизни, болѣе дѣйствительной, болѣе настоящей, и въ которую мы возвращаемся послѣ смерти. Наша земная жизнь—это одинъ изъ сновъ другой жизни, болѣе дѣйствительной, и такъ оно идетъ далѣе, до безконечности, до послѣдней жизни, которая и есть жизнь Бога. Рожденіе и появленіе первыхъ представленій о мѣрѣ можно рассматривать какъ начало сна; всю земную жизнь, какъ полный сонъ; смерть, какъ пробужденіе. Преждевременная смерть это — когда человѣкъ проснулся прежде, чѣмъ проспалъ весь свой сонъ. Смерть въ старости это—когда человѣкъ хорошо выспался и проснулся самъ. Самоубійство—это кошмаръ, который прогоняешь, вспоминая, что спишь; дѣлаешь усиліе и пробуждаешься. Тотъ, кто совершенно поглощенъ настоящей жизнью, кто не имѣетъ предчувствія другой жизни, тотъ спитъ крѣпко. Глубокій сонъ, безъ сновидѣній, можно сравнить съ полуживотнымъ состояніемъ. Человѣкъ, который во время сна чувствуетъ все, что происходитъ вокругъ него, у котораго сонъ чуткій, и который каждую минуту готовъ проснуться, сознаетъ, хотя и смутно, ту жизнь, изъ которой онъ вышелъ и въ которую вернется. Во время сна человѣкъ всегда эгоистъ, живетъ одиноко, не принимая участія въ жизни своихъ ближнихъ, не имѣя никакой связи съ ними. Въ жизни, на которую мы смотримъ, какъ на дѣйствительную, наша связь съ нашими ближними уже болѣе велика: тамъ существуетъ подобіе любви къ ближнему. Въ жизни, изъ которой мы вышли и въ которую вернемся, связь эта тѣснѣе, любовь къ ближнему уже не простое стремленіе, но дѣйствительность. Въ жизни, для которой является только приготовленіемъ та жизнь, о которой я говорю, связь между всѣми болѣе тѣсна, и любовь между всѣми еще болѣе велика. На этотъ разъ въ этомъ снѣ, мы уже чувствуемъ все, что, можетъ-быть, осуществится въ новой жизни. Тѣлесная оболочка, въ которой застаѣ насъ здѣсь, на землѣ, пробужденіе нашего сознанія настоящей жизни, является какъ-бы преградой свободному развитію нашего ума. Естество это — граница разума. Истинная жизнь начинается, когда эта граница уничтожена. Это объясненіе заключаетъ въ себѣ все познаніе истины и даетъ человѣку сознаніе вѣчной жизни. Я не забавляюсь, придумывая теорію. Я всей душою вѣрю въ то,

что говорю. Я чувствую, я знаю вѣрно, что, умирая, я буду счастливъ, что я войду въ мѣръ, болѣе дѣйствительный“.

Г. А. и Б. дѣлаютъ сообщеніе о правилахъ для начинающихъ спиритовъ.

Очень многіе рвутся къ немедленному устройству спиритическихъ сеансовъ, желаютъ, такъ сказать, скорѣйшаго примѣненія своихъ практическихъ познаній въ области спиритуализма. И рвеніе ихъ — вполне понятно, ибо ничей опытъ не замѣнить имъ ихъ собственного... Но, въ большинствѣ случаевъ, эта ихъ подготовка оказывается далеко недостаточною... И вотъ, подобно невѣждѣ, впущенному въ химическую или физическую лабораторію и учиняющему тамъ нелѣпыя смѣси и опыты,—просто-такъ, изъ желанія посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ; они не знаютъ—ни предѣловъ возможностямъ, ни чего могутъ ожидать ни какъ обращаться съ проявляющимися интеллектами.

Въ земной жизни мы часто искусственны, способны къ маскарладу. Но не то-же ли самое, да еще въ несравненно большей степени, приходится наблюдать и среди проявляющихся на сеансахъ личностей: они зачастую чрезвычайно искусно маскируютъ свою истинную сущность... А потому, прежде чѣмъ приступать къ общенію съ міромъ загробнымъ, необходимо начать съ ближайшаго и принятъ за изученіе психики, какъ самого себя, такъ и окружающихъ воплощенныхъ... Мы совсѣмъ вѣдь не знаемъ самихъ себя, особенно молодежь, которую нужно всѣми силами удерживать отъ практики спиритизма... Для того, чтобы успѣшнѣе закончить работу познанія себя и ближнихъ, необходима, какъ можно большая искренность, честность въ проявленіи своего „я“; по отношенію къ своимъ близкимъ по духу ихъ-точно такъ же надо склонять къ тому же. Такой искренности мѣшаютъ обыкновенно двѣ причины: 1) ложный стыдъ: какъ подумаютъ, что скажутъ; и 2) чисто салонная привычка нечестно относится къ окружающимъ: не высказывать того, что о нихъ думаешь... Для салона, для успѣха въ общественной жизни эти двѣ привычки значатъ очень много; но для спирита, желающаго приступить къ общенію съ невидимыми, окружающими его, духовными вліяніями, онѣ являются очень важными препятствіями... На самомъ дѣлѣ, если-бы мы могли разбираться въ своей и чужой психикахъ, то не становились бы такъ часто игралищами всяческихъ вліяній, могли-бы бороться съ ними...

При „общеніи“ надо сохранять свою индивидуальность, быть осмотрительными во вліяніяхъ и отдавать себѣ ясный отчетъ въ своихъ настроеніяхъ... Не научась быть судьей

себѣ и другимъ, нельзя братья за оцѣнку феноменовъ и личностей проявляющихся... Но тутъ выдвигается другая преграда. Намъ обыденный судъ надъ ближнимъ сводится обыкновенно или къ мелкому злословію или прямо къ личной злобѣ... Необходимо поэтому выучиться умѣнью разбираться въ недостаткахъ ближняго, которые сплошь да рядомъ зависятъ отъ тяжкихъ законовъ земной необходимости... Необходимо научиться обязанности помогать имъ.

Затѣмъ г. *А. и Б.* знакомитъ собравшихся съ проповѣдью, произнесенной недавно въ Лиминстонской Спиритической Церкви, на тему: „роль спиритизма въ христіанствѣ“; читаетъ отрывокъ изъ Бирманскихъ поученій и заканчиваетъ вечеръ описаніемъ непокойныхъ явленій въ одной лондонской семьѣ (напечатанъ въ послѣд. № Daily Cr.).

21-ое Засѣданіе, 28 Апрѣля 1908 г.

Засѣданіе начинается оживленнымъ обмѣномъ мнѣній по поводу того факта, что предсказаніе г. *А. Питерса*, (см. 19 засѣд.) на дняхъ буквально сбылось.

Г. *А. и Б.* дѣлится своими наблюденіями надъ автоматическимъ письмомъ.

Г. г. *Штеръ В. И. и Киселева М. В.* сообщаютъ о своихъ самочувствіяхъ при актѣ автоматическаго письма.

Г. *Чистяковъ П. А.* высказываетъ свой взглядъ на методъ самонаблюденія при автоматическомъ письмѣ.

Докладчикъ дѣлитъ графическій автоматизмъ (письмо) на три вида: 1) Частичный автоматизмъ—мѣстный, когда „проявленіе его“ захватываетъ лишь частичный нервный центръ (кисть руки, предплечье стс...); причемъ такое „проявленіе“ совершается совершенно независимо отъ контроля центрального сознанія (мозга) и даже вопреки ему—а импульсы ощущаются вполне ясно и непреодолимо въ периферическихъ нервн. узлахъ и отдѣльн. участкахъ. 2) Центральнѣйшій—полный—когда „проявленіе“ совершается черезъ мозговые центры; буквы, слово и даже отдѣльныя фразы отражаются тогда въ сознаніи медиума (хотя бы частично) ощущеніе мѣстныхъ импульсовъ въ периферическихъ нервн. центрахъ отсутствуетъ; но, тѣмъ не менѣе, актъ

письма совершается автоматически, хотя импульсы иногда и возможно преодолеть; 3) Интуитивное письмо, когда все пишущееся цѣликомъ сознается медиумомъ, хотя заранее и не было ему извѣстно. Такъ какъ на практикѣ встрѣчаются всѣ эти три вида письма у одного и того же медиума, то разграничивать ихъ—очень трудное дѣло: необходимо сильно развить самонаблюдение... Надобно вести возможно точную запись ощущений также для того, чтобы выяснить сколько медиумъ приноситъ въ письмо своего „я“. Это особенно важно для третьяго вида авт. письма. Все это постепенно будетъ выясняться, хотя и займетъ собой не малый промежутокъ времени...

Послѣ небольшого перерыва г. *Вессель И. И.* сообщаетъ Собранию два случая предчувствія смерти, засвидѣтельствованныя подписью очевидца. Вотъ эти случаи:

I.

Въ концѣ мая Н. Г. послѣ продолжительной болѣзни скончался Л. В. 33 лѣтъ. Въ началѣ болѣзни еще въ февралѣ мѣсяцѣ съ нимъ былъ случай, который можно считать предчувствіемъ смерти: однажды ночью при выходѣ изъ спальни онъ замѣтилъ, что отъ стѣны отдѣляется тѣнь, которая затѣмъ идетъ рядомъ съ нимъ и какъ-бы скользитъ по воздуху. Въ тѣни этой онъ призналъ самого себя. Тѣнь проводила его черезъ слѣдующую комнату, а въ третьей комнатѣ незамѣтно исчезла и какъ-бы растаяла. Естественной тѣнью эта тѣнь быть не могла, потому что комната, черезъ которую онъ шелъ—гостиная, была освѣщена: свѣтъ падалъ въ нее изъ спальни; третья комната, въ которой тѣнь исчезла—столовая, тоже была освѣщена изъ другихъ комнатъ, и непосредственнаго источника свѣта, могущаго дать тѣнь въ ней не было. Кромѣ того, тѣнь все время двигалась по воздуху, рядомъ съ нимъ и была точной копіей его фигуры. Явленіе это онъ самъ истолковалъ какъ предзнаменованіе близкой кончины и часто вспоминалъ о немъ во время болѣзни.

Затѣмъ въ теченіе всей болѣзни, впадая въ дремоту, онъ часто видѣлъ около себя умершихъ родственниковъ и говорилъ съ ними. Желанія умереть у него не было, и до послѣднихъ дней онъ надѣялся на выздоровленіе особенно, когда ему становилось лучше, но въ этихъ явленіяхъ онъ все время продолжалъ видѣть предзнаменованіе близкой кончины.

II.

У землевладельца Д. въ сентябрѣ (1906 г.) умерла дочь 10 лѣтъ. Причиной ея смерти была слабость сердца, развившаяся послѣ дифтерита и окончившаяся параличемъ. Передъ болѣзнию, вернувшись домой изъ города, она нѣсколько разъ говорила, что въ разныхъ комнатахъ часто видитъ свою старшую сестру, умершую 2 года тому назадъ, что на нее вляло крайне неприятно. Начавшийся вскорѣ дифтеридъ окончился благополучно благодаря своевременно сдѣланной прививкѣ, но не смотря на выздоровленіе она продолжала говорить, что долго жить не будетъ и умереть въ скоромъ времени. „Въ воскресенье меня не будетъ“ часто повторяла она и померла въ субботу. Переживши послѣ болѣзни одно воскресенье, она все продолжала повторять выше-означенную фразу, не смотря на то, что ей говорила, что воскресенье уже прошло.

Г. А. и Б. демонстрируетъ фотографическій снимокъ г-жи Г., сдѣланный наканунѣ ея смерти. На снимкѣ ясно видно экстеріоризація флюида, въ видѣ многочисленныхъ свѣтовыхъ булетовъ надъ головой.

Г. Гридинъ П. Д. Случай самопроизвольныхъ звуковъ. *)

Засѣданіе заканчивается обмѣномъ мнѣній о самопроизвольныхъ явленіяхъ, являющихся предвѣстіями грядущихъ событій.

22-ое Засѣданіе, 5 Мая 1908 г.

Г. А. и Б. прочитываетъ собранію послѣдній бюллетень Бельгійской Національной Спиритической Федерациі... По поводу прочитаннаго возникаетъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Собравшіеся въ большинствѣ высказываются за то, что, хотя подобныя записи спиритическихъ сеансовъ и полезны, однако оглашать ихъ черезъ посредство печати, — какъ это дѣлаетъ Предсѣдатель Бельгійскаго Общества г. Клеманъ-де-Сенъ-Маркъ — излишне и даже вредно, такъ какъ способно вызывать глумленіе со стороны профановъ...

Г-жа Лаврова П. М. сообщаетъ новѣйшую біографію Евзапіи Паладино, составленную дочерью проф. Ламброзо, г. Паоло Каразо.

*) Прим. ред.—напечатано въ «Ребусѣ».

23-е Засѣданіе 12 Мая 1908 г.

Засѣданіе посвящено обмѣну мнѣній о молитвѣ; Г. А. и Б. читаетъ сообщенія, полученныя въ Московскомъ Спирит. Кружкѣ и въ англійскомъ кружкѣ С. Мозеса по поводу молитвы.

Этимъ заканчивается академическій сезонъ Русск. Спир. О-ва 1907/8 г. Начало собраній слѣдующаго года предположено въ первыхъ числахъ сентября 1908 г.

Редакторъ Отдѣла
Секретарь Общества С. Бобровъ.

